

И. М. КАТАРСКИЙ

ДОСТОЕВСКИЙ И ДИККЕНС

(1860—1870-е годы)¹

1

Полосой особенного увлечения Диккенсом в России были 1840-е годы — гоголевский период русской литературы. С середины 1850-х и в 1860-е годы этот интерес несколько ослабевает.

В 1840-е годы, в пору становления и укрепления русской реалистической социальной прозы, Диккенс был одним из тех иностранных писателей, произведения которых помогали передовым русским писателям в выработке собственного художественного самосознания, помогали им создавать отечественный реалистический роман. В 1850—1860-е годы в русской литературе наступает пора расцвета реалистической прозы. Многие из произведений этих лет получили всемирное признание. Естественно, что в годы, когда в русской литературе накануне реформы и после ее осуществления шли жаркие споры о путях развития страны, романы Диккенса, хотя и продолжали читаться и вызывать горячий интерес, все же перестали играть в такой же мере, как прежде, роль творческого импульса для русских писателей. К тому же с конца 1850-х годов несколько ослабевает социальный пафос самого Диккенса, что и было отмечено русской критикой, продолжавшей,

¹ Ниже публикуются два фрагмента из работы покойного литературоведа И. М. Катарского (1919—1971) «Диккенс и Достоевский». Первая половина этой незавершенной работы вошла как глава «Диккенсовские мотивы в творчестве Достоевского 40—50-х годов» в монографию автора «Диккенс в России. Середина XIX века» (М., 1966, с. 357—401). Второй том исследования, куда автор предполагал включить другую половину работы, остался неосуществленным. Рукопись подготовлена к печати Ю. Д. Левиным.

однако, сочувственно встречать книги английского писателя, с которыми, по выражению «Современника», «так сроднилась русская литература».²

В сущности так же обстояло дело и для Достоевского (во всяком случае, после 1861 г.). Диккенс остался одним из любимейших его писателей до последних дней жизни. На страницах романов и повестей Достоевского 1860—1870-х годов — «Преступление и наказание», «Идиот», «Вечный муж», «Бесы», «Подросток» — не раз будут всплывать диккенсовские мотивы и ассоциации. Имя Диккенса встретится и в публицистике Достоевского, в нескольких принципиально важных суждениях, высказанных в «Дневнике писателя». Больше того, в эти годы мы найдем и следы прямого влияния Диккенса на Достоевского.

И все же роль Диккенса для творчества Достоевского, как и для русской литературы в целом, в 1860—1870-х годах несколько ослабела. Непосредственное воздействие диккенсовских мотивов не будет теперь, как правило, распространяться на ведущие образы и мотивы произведений Достоевского.

Прежде чем обращаться к истории творческого освоения мотивов Диккенса в произведениях Достоевского 1860—1870-х годов, коснемся «внешней» стороны вопроса — свидетельств об интересе русского романиста в эти десятилетия к книгам английского писателя.

Романы Диккенса не только остаются незыблемой ценностью для самого Достоевского. Они, по его мнению, должны войти в круг чтения народа. Еще в 1861 г. в цикле статей «Книжность и грамотность», рассуждая о том, какие книги любит читать народ, Достоевский вынужден констатировать, что простой народ предпочитает читать лубочную литературу. Он рассказывает, что «производил эффект» лишь чтением «разных капитанов Полей, капитанов Панфилов». «Я думаю, — прибавляет с сожалением Достоевский, — Диккенс произвел бы гораздо менее эффекта, Теккерей еще менее...» (XIII, 143).

Находясь за границей, Достоевский охотно приобщает к чтению Диккенса свою жену. А. Г. Достоевская отмечала в дневнике, что в мае 1867 г. в Дрездене муж брал для нее в библиотеке «Лавку древностей» на французском языке (отказавшись от ошибочно выданного им «Давида Копперфильда», очевидно уже читанного Анной Григорьевной) и «Николаса Никльби».³ А 31 мая (12 июня) она записала: «Пошли в библиотеку; здесь мы решительно ничего не могли выбрать, мы ничего не взяли... Нам указали другую библиотеку Schmidt'a в Moritzstrasse, но там Диккенса оказался только один роман, да и тот был в расходе».⁴

² Современник, 1853, № 11, отд. VI, с. 66.

³ См.: Дневник А. Г. Достоевской 1867 г. М., 1923, с. 100, 107.

⁴ Там же, с. 113.

Приведем несколько высказываний Достоевского о Диккенсе, относящихся к последнему десятилетию его жизни.

Е. А. Штакеншнейдер в своих воспоминаниях рассказывает, как однажды в 1870-е годы Достоевский, едва оправившийся после припадка, жаловался на плохое самочувствие и добавил: «... а тут еще этот болван Аверкиев рассердил. Ругает Диккенса: *безделюшки*, говорит, писал он, детские сказки! Да где ему Диккенса понять! Он его красоты и вообразить не может, а осмеливается рассуждать».⁵

А в письме к Н. Н. Страхову от 28 мая (9 июня) 1870 г. Достоевский вспоминал: «Давно уже, еще лет двадцать с лишком назад, при первом появлении „Ярмарки тщеславия“ в Англии, я зашел к Краевскому, и на слова мои, что вот, может быть, Диккенс напишет что-нибудь и к новому году можно будет перевести, Краевский вдруг отвечал мне: „Кто? Диккенс? Диккенс убит! Теперь там Теккерей явился, убил наповал; Диккенса никто и не читает теперь!“» (II, II, 272). Интересен контекст этого письма, из которого явствует, что воспоминание приводится как пример ошибочного суждения. Вот, мол, двадцать с лишком лет назад тоже делались поспешные выводы о «смерти» Диккенса. Однако проверку временем Диккенс выдержал, и до сих пор никого выше его не поставишь.⁶

Об этих годах сохранились и свидетельства дочери Достоевского. «Когда отец уезжал в Эмс или работа не позволяла ему делать это самому, он просил мою мать читать нам сочинения Вальтер Скотта и Диккенса — этого „великого христианина“, как он называет его в „Дневнике писателя“. Во время обеда он спрашивал нас о наших впечатлениях и восстанавливал целые эпизоды из этих романов. Мой отец, забывший фамилию своей жены и лицо своей возлюбленной, помнил все английские имена героев Диккенса и Вальтер Скотта, произведших на него впечатление в юности, и говорил о них как о своих близких друзьях».⁷

Эти воспоминания Л. Ф. Достоевской, относящиеся еще к годам ее отрочества, подкрепляются одним из самых поздних писем Достоевского. 18 августа 1880 г., отвечая на вопрос Н. Л. Озмидова, что же следует давать читать дочери, Достоевский, назвав

⁵ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. (1855—1886) М.—Л., 1934, с. 462—463.

⁶ Заметим, что Достоевский хорошо знал и ценил Теккерей. Знал он и других английских реалистов середины XIX в. В 1849 г. он писал, что роман Ш. Бронте «Дженни Эйр» «чрезвычайно хорош» (II, I, 127). На страницах редактируемого им «Времени» были помещены два романа Э. Гаскелл («Мэри Бартон» и «Руфь»), причем первому из них была предпослана заметка от редакции, принадлежавшая перу Достоевского, которая начиналась следующими словами: «Печатаем этот интересный роман потому, что в нем живо очерчены быт и страдания рабочего класса в Англии» (XIII, 570).

⁷ Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.—Пгр, 1922, с. 90—91.

В. Скотта, Пушкина, Гоголя, Тургенева, «Дон-Кихота» и некоторые другие шедевры мировой литературы, настоятельно рекомендует: «Диккенса пусть прочтет всего без исключения» (П., IV, 196). Эта фраза следует непосредственно после слов о «высоком воспитательном значении» В. Скотта.

Аналогичным образом в письме от 19 декабря 1880 г. к другому корреспонденту, интересующемуся, как руководить чтением сына, Достоевский отвечает: «Берите и давайте лишь то, что производит прекрасные впечатления и рождает высокие мысли». Перечислив классиков русской и иностранной литературы, он добавляет: «Наконец, пусть читает Вальтер Скотта и Диккенса в переводах, хотя эти переводы очень трудно достать. <...> Диккенса и Вальтер Скотта можно давать уже 13-летним детям» (П., IV, 222).

Вспомним восторженный отзыв Достоевского о Диккенсе в июне 1880 г. на завтраке в присутствии многих русских литераторов. «Завтрак шел оживленно, — вспоминает А. И. Суворина. — Конечно, разговоры шли о литературе и о политике. Вдруг Ф. М. обратился ко мне с вопросом: как нравится мне Диккенс? Я со стыдом ему сказала, что я не читала его. Он удивился и замолчал». Неожиданно Достоевский называет Суворину «счастливейшей из смертных» и пылко развивает свою мысль: «Господа, счастливая Анна Ивановна еще не читала Диккенса, и ей, счастливнице, предстоит еще это счастье! Ах, как я бы хотел быть на ее месте! И снова прочесть „Давида Копперфильда“ и всего Диккенса». А затем добавил: «Когда я очень устал и чувствую нелады с собою, никто меня так не успокаивает и не радует, как этот мировой писатель!»⁸

Сошлемся, наконец, на черновые записи А. Г. Достоевской, которая рассказывает, что за три дня до смерти писателя происходил разговор, касавшийся театральной постановки Диккенса. «За обедом все время говорили о „Пиквикском клубе“, вспоминали все подробности, рассказывали ему, а затем я спросила, кто же был этот актер. „Мистер Джингл“, — сказал Федор Михайлович».⁹

2

Роман «Преступление и наказание» (1866) продолжает магистральную тему творчества Достоевского — тему жизни большого капиталистического города, трагических судеб его беднейших обитателей. Это «первое в русской классической литературе произведение большой эпической формы, в котором сделана попытка

⁸ Достоевский и его время. Л., 1971, с. 299—300.

⁹ Цит. по: Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.—Л., 1935, с. 319.

подытожить, обобщить новые явления русской (городской) жизни, связанные с победоносным шествием капитализма».¹⁰

Роман в первоначальном замысле назывался «Пьяненькие». Это была горестная история, выдержанная в традициях «Бедных людей» и «Униженных и оскорбленных». Естественно, что диккенсовские мотивы легко могли проникнуть, да и проникли, именно в ту часть романа, которая в «Преступлении и наказании» стала сюжетной линией семьи Мармеладова. «Родись английский романист в России, — писал Дж. Гиссинг в своей монографии о Диккенсе, — он вполне мог бы быть автором большой сцены в начале книги, когда отец Сони, пьяница и нелепое существо, изъясняется перед нами в необычном монологе».¹¹

Действительно, образ нищего чиновника Мармеладова, оставшегося без работы, выдержан в диккенсовских тонах. В нем много общего с вечным должником Микобером (из «Давида Копперфильда»), и сходство это выражается не столько в общности некоторых внешних черт (например, витиеватой манеры обращения к собеседнику), сколько в общей тональности образа.

Вместе с тем очень существенно подчеркнуть глубокое отличие подхода Достоевского к своему герою. Дело в том, что образы Микобера и его семейства имеют комический оттенок, а Мармеладов и его семья трагичны. В «Давиде Копперфильде» Диккенс и не ставил себе задачей показать трагизм судьбы горемычного должника, как он это делал в других своих произведениях, изображая беспросветную нужду «пьяненьких» и их семей. Дело прежде всего в том, что трагический пафос образа Мармеладова далеко превосходит все созданное в той же области Диккенсом. Достоевский стремится *до конца* раскрыть существо той страшной унижительной нищеты, в которой оказывается человек. «Предоставить слово отцу для того, чтобы отец рассказал всему человечеству, как и почему его дочь не могла не стать проституткой, — для этого нужно было именно горькое и мстительное, всегда устремленное к предельному, окончательному обнажению безвыходности, проникнутое болью за человека дарование Достоевского. Такой степени обнажения горя, страдания, стыда и ужаса жизни человечества редко достигала мировая литература».¹²

Ту же предельную степень человеческих или, лучше сказать, нечеловеческих страданий изображает Достоевский в незабываемой сцене предсмертных мук Катерины Ивановны Мармеладовой, особенно в ее последних словах: «Что? Священника?.. Не надо... Где у вас лишний целковый?.. На мне нет грехов!.. Бог и без того должен простить... Сам знает, как я страдала!.. А не простит, так и не надо!..» (6, 333).

¹⁰ Евнин Ф. И. Роман «Преступление и наказание». — В кн.: Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959, с. 138.

¹¹ Gissing G. Charles Dickens. A critical study. London, 1898, p. 222.

¹² Ермилов В. Ф. М. Достоевский. М., 1956, с. 156.

Кое-какие черты Катерины Ивановны, поверхностные и мало-существенные, непосредственно восходят к диккенсовской миссис Микобер. И все же произнести такие слова перед лицом смерти не могла бы ни одна из героинь Диккенса, да и — не будет преувеличением сказать — ни один из героев английского романа времен Диккенса — Достоевского.

Определяя новое слово Достоевского по сравнению с его предшественниками и современниками, соплемя на интересное наблюдение Т. Л. Мотылевой: «Все герои Достоевского, принадлежащие к разряду „бедных людей“, „униженных и оскорбленных“, переносят нечеловеческие лишения и нужду — как Оливер Твист, как Фантина из „Отверженных“, как персонажи „Западни“ Золя. Но главные их страдания заключаются не в бедности как таковой, не в материальных лишениях, а в непереносимых муках уязвленного человеческого достоинства. <...> И это сознание собственной придавленности, чувство своей социальной неполноценности в тысячу крат тяжелее для них, чем недостаток хлеба насущного. Ни один из писателей мировой литературы не передал с подобной потрясающей силой страданий оскорбленной человеческой личности».¹³

В этом один из существеннейших пунктов нового, реалистически более глубокого подхода Достоевского к образу. Диккенсовская тональность сказывается не в существе образа Мармеладова, а в некоторых особенностях лепки самого образа, подчеркивании той или иной преобладающей «странности». Диккенсовские мотивы являются обычно для Достоевского отправным пунктом, тем, что лежит в общем «на поверхности». Именно *первые*, внешние черты образа подчас напоминают нам аналогичные образы у Диккенса, но за внешним сходством сразу обнаруживается внутреннее различие. Так было с началом «сентиментального романа» «Белые ночи», так было с первыми страницами «Униженных и оскорбленных»,¹⁴ так обстоит дело и с началом второй главы первой части «Преступления и наказания», где появляется Мармеладов со своей исповедью.

Диккенсовские черты, свойственные образу Мармеладова и его семейства, дали возможность легко ввести в роман слегка видоизмененный эпизод из «Лавки древностей». В романе Диккенса адвокат Брасс, нечистый на руку делец, подбиваемый злобным ростовщиком Квилпом, от которого он зависит, незаметно подсовывает в шляпу мальчику Киту деньги, чтобы потом изобличить его в воровстве и опозорить перед всеми. Совершенно аналогичным образом происходит дело и у Достоевского. Делец Лужин, желая во что бы то ни стало скомпрометировать Соню Мармеладову (мотив мести играет решающую роль и в том и

¹³ Мотылева Т. Л. Достоевский и мировая литература. (К постановке вопроса). — В кн.: Творчество Ф. М. Достоевского, с. 24—25.

¹⁴ См.: Катарский И. Диккенс в России..., с. 366—368, 396—397.

в другом романе), разыгрывая добряка, дает Соне десять рублей (Брасс также раньше преднамеренно делал небольшие денежные подарки Киту); затем, «хватившись» пропавших ста рублей, обвиняет Соню в краже. Деньги, разумеется, обнаруживаются в ее кармане.

Собственно, нет необходимости детально сличать эти эпизоды. Различие их подсказано логикой событий и образов каждого из романов. Так, например, в «Лавке древностей» находит эти деньги Дик Свивеллер (точнее, все подстроено так, чтобы этот простак свидетель натолкнулся на спрятанные деньги), а в «Преступлении и наказании» эта роль выпадает на долю Катерины Ивановны, которая, оскорбленная подозрением, в лихорадочном возбуждении выворачивает карманы Сонечки. Не даст собственно ничего для выяснения различия в подходе романистов к этому эпизоду, если мы остановимся на том, как и кем был обнаружен подлог и установлена невиновность «преступника» (это подслушала «маркиза» у Диккенса и видел Лебезятников у Достоевского).

Важно одно психологическое обстоятельство, которое отличает этот эпизод у Достоевского. Образ человека, совершившего подлог, у него значительно тоньше и интереснее. Хотя Брасс у Диккенса и «законник», он ни на минуту не вызывает доверия у читателя. Льстивый, плутоватый, а временами наглый (brass), он способен на любую подлость. Иное дело Лужин. Это, говоря языком диккенсовских романов, «вполне респектабельный джентльмен». Он суховат, корректен, очень рассудителен и расчетлив. Правда, он недостаточно тонок: эгоизм отчетливо просвечивает сквозь его рассуждения о том, что, заботясь о себе, человек заботится о «всеобщем преуспевании» (6, 116). И вот такой-то положительный и, казалось бы, безукоризненно опрятный в своем поведении джентльмен способен, как убедительно показывает Достоевский, на преступление. Раскрывая преступное существо натуры чистокровного буржуа, Достоевский обогащает социальную проблематику романа о преступлении.

Говоря о «диккенсовских» мотивах романа, мы касались лишь круга образов, который находится на втором плане. И это вполне закономерно. Мучительно сложный клубок социальных, этико-философских проблем, которые поставлены в романе о преступлении и наказании в связи с фигурой главного героя — Раскольников, проблем индивидуального своеволия, права человека на преступление и т. д., далеко вышел за рамки того, что могло бы иметь почвой или даже стимулом диккенсовский роман. Единственный аспект, в котором Раскольников может быть сопоставлен с диккенсовскими персонажами, — не социальный и не философский, а психологический. Английские критики указывали на большое сходство в том, как изображена психология убийцы у Достоевского (Раскольников) и Диккенса (Джонас Чезлвит — в романе «Мартин Чезлвит»), как показаны мучительные пережива-

ния человека, чье преступление разорвало его связь с людьми.¹⁵ Впрочем, на наш взгляд, мысль о воздействии Диккенса на образ Раскольникова остается довольно шатким предположением.

Д. Д. ОБЛОМИЕВСКИЙ

КНЯЗЬ МЫШКИН

Говоря о Мышкине как об «идеологе» романа «Идиот», как о носителе основной его идеи, нельзя не отметить, что он не относится к числу персонажей Достоевского типа героя «Записок из подполья», героя «Игрока», Раскольникова, являющихся людьми усиленной мысли, активного и высокого сознания. У князя Мышкина отсутствует какое-либо законченное теоретическое мировоззрение, все части которого были бы логически связаны друг с другом и вытекали одна из другой. У него нет завершенной системы принципов и мыслей, логически сформулированного отношения к действительности. Он ни в коем случае не может быть назван мыслителем в том смысле, в каком это слово приложимо к Раскольникову и герою «Записок». Более того, по своему духовному облику он самым решительным образом противостоит людям теоретического склада, склонным к отвлеченности и абстракции. И в то же время князь Мышкин является человеком, имеющим свою, оригинальную, довольно твердую и устойчивую жизненную позицию. И эта его позиция могла бы вполне стать реальной основой целого мировоззрения, целой системы мыслей. Если он не переводит свои поступки и свое поведение в сферу логических выводов и итогов, то это объясняется тем, что он не придает значения мыслям самим по себе. Для него существенны поведение человека, его поступки, его действительное отношение к другим людям и к жизни в целом.

В характере князя Мышкина бросается в глаза в первую очередь его особый интерес и любовь к детям, его преклонение перед ними и восторг, который они у него вызывают. Князь Мышкин вспоминает с особой симпатией о своей жизни в Швейцарии именно потому, что он находился там «всё время <...> с детьми, с одними детьми» (8, 57).

И во взрослых, при встречах с ними, князь Мышкин любит обнаруживать остатки детскости, в них сохранившиеся, радуется, открывая в душах окружающих следы их ранних лет. Князь и сам в своем поведении напоминает ребенка. С необыкновенной

¹⁵ См.: Hulse B.-F. Dostoevsky for Dickensians. — The Dickensian, 1955, vol. LI, pt. 2, № 314, p. 68; Futrell M. H. Dostoevsky and Dickens. — English miscellany. A symposium of history, literature and art, Rome, 1956, p. 63—66.